

Николай Михайлович Карамзин

Мелодор к Филалету

Николай Михайлович Карамзин

Мелодор к Филалету

Весной в Лионе вспыхнуло поднятое контрреволюционерами восстание. Его поддержали жирондисты. Началось грандиозное восстание против революции в Вандее. Спасая революцию, опираясь на восстание парижских секций (31 мая – 2 июня), якобинцы, во главе с Робеспьером, Маратом и Дантоном, установили диктатуру. Вот эти события, развернувшиеся в июне – июле 1793 года, о которых Карамзин узнал в августе, и повергли его в смятение, испугали, оттолкнули от революции. Выражением новой идеологической позиции Карамзина, исполненной смятения и противоречий, были статьи-письма – «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору». Мелодор и Филалет – это не разные люди, это «голоса души» самого Карамзина, это смущенный и растерянный старый Карамзин и Карамзин новый, ищущий иных, отличных от прежних, идеалов жизни.

Мелодор горестно признается: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя, среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» Возникает роковой вопрос: как жить дальше? Искать спасения в эгоистическом счастье? Но Мелодор знает, что «для добрых сердец нет счастья, когда они не могут делить его с другими». В ином случае, спрашивает Мелодор, «на что жить мне, тебе и всем? На что жили предки

наши? На что будет жить потомство?» Крушение веры в гуманистические идеалы Просвещения было трагедией Карамзина.

Содержание

#1	0006
Примечания	0019

**Николай Михайлович
Карамзин
Мелодор к Филалету**

Где ты, любезный Филалет? В каком уединении скрываешься? Какие предметы занимают душу твою? Чем питается твое сердце? Что делает тебе жизнь приятною? – И думаешь ли ныне о своем Мелодоре?

Ах! Где ты? Сердце мое тебя просит, требует. Оно помнит любезные твои взоры, сладкий голос и нежные, чувством согреваемые объятия, в которых жизнь бывала ему вдвое милее, – помнит и велит глазам моим искать тебя – велит рукам моим к тебе простираться!

Океан шумел между нами; теперь мы в одной земле – и не вместе! – Скажи слово, и Мелодор летит к тебе! – В ожидании сей минуты буду хотя писать к любезнейшему из друзей моих.

Пять лет мы не видались; сколько времени? Сколько перемен в свете – и в сердцах наших?.. Тысячи мыслей волнуются в душе моей. Я хотел бы вдруг перелить их в твою душу, без помощи слов, которых искать надобно; хотел бы открыть тебе грудь мою, чтобы ты собственными глазами мог читать в ней сокровенную историю друга твоего и видеть – прости мне смелое выражение – видеть все

развалины надежд и замыслов, над которыми в тихие часы ночи сетует ныне дух мой, подобно страннику, вздыхающему на развалинах Илиона,{1} стовратных Фив{2} или великолепного греческого храма, когда бледный свет луны освещает их!

Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о нравственном мире, ловили в истории все благородные черты души человеческой, питали в груди своей эфирное пламя любви, которого веяние возносило нас к небесам и, проливая сладкие слезы, восклицали: «Человек велик духом своим! Божество обитает в его сердце!»{3} Помнишь, как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что род человеческий возвышается и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству. Ах! С какою нежностью обнимали мы в душе своей всех земнородных, как милых детей небесного отца! – Радость сияла на лицах наших – и светлый ручеек, и зеленая травка, и алый цветочек, и поющая птичка – все, все нас веселило! Природа казалась нам обширным са-

дом, в котором зреет божественность человечества.

Кто более нашего славил преимущества осьмого-надесять века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства, размножение жизненных удовольствий, всеместное распространение духа общественности, теснейшую и дружелюбнейшую связь народов, кротость правлений, и проч. и проч.? – Хотя и являлись еще некоторые черные облака на горизонте человечества, но светлый луч надежды златил уже края оных пред нашим взором – надежды: «Все исчезнет, и царство общей мудрости настанет, рано или поздно настанет, – и блажен тот из смертных, кто в краткое время жизни своей успел рассеять хотя одно мрачное заблуждение ума человеческого, успел хотя одним шагом приблизить людей к источнику всех истин, успел хотя единое плодоносное зерно добродетели вложить рукою любви в сердце чувствительных и таким образом ускорил ход всемирного совершеня!»

Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали,

что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью, что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, насладутся истинными благами жизни.

О Филалет! Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!

Осьмой-надесять век кончается; что же видишь ты на сцене мира? – осьмой-надесять век кончается, и несчастный филантроп [1] меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки!

Кто мог думать, ожидать, предчувствовать?.. Мы надеялись скоро видеть человечество на горней степени величия, в венце славы, в лучезарном сиянии, подобно ангелу божию, когда он, по священным сказаниям, является очам добрых, – с небесною улыбкою, с мирным благовестием! – Но вместо сего восхитительного явления видим... фурий с гроз-

ными пламенниками!

Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости? Где возвышение кротких, нравственных существ, сотворенных для счастья? – Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!..{4} Небесная красота прельщала взор мой, воспаляла мое сердце нежнейшею любовью, в сладком упоении стремился к ней дух мой, но – небесная красота исчезла – змеи шипят на ее месте! – Какое превращение!

Свирепая война опустошает Европу,{5} столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого, драгоценностей, собранных веками, драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! – И не только миллионы погибают; не только города и села исчезают в пламени; не только благословенные цветущие страны (где щедрая натура от начала мира изливала из полной чаши лучшие дары свои) в горестные пустыни превращаются – сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснейшее зло для бедного человечества.

Мизософы [2] торжествуют. «Вот плоды вашего просвещения! – говорят они, – вот плоды ваших наук, вашей мудрости! Где воспылал огонь раздора, мятежа и злобы? Где первая кровь обогрела землю? И за что?.. И откуда взялись сии пагубные идеи?.. Да погибнет же ваша философия!» – И бедный, лишенный отечества, и бедный, лишенный крова, и бедный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяет: «Да погибнет!» И доброе сердце, раздираемое зрелищем лютых бедствий, в горести своей повторяет: «Да погибнет!» – А сии восклицания могут составить наконец *общее мнение*: вообрази же следствия!

Кровопролитие не может быть вечно: я уверен. Рука, секущая мечом, утомится, сера и селитра истощатся в недрах земли, {6} и громы умолкнут, тишина рано или поздно настанет, – но какова будет тишина сия? Если мертвая, хладная, мрачная?

Так, мой друг, падение наук кажется мне не только возможным, но и вероятным, не только вероятным, но даже неминуемым, даже близким. Когда же падут они... когда их великолепное здание разрушится, благодетель-

ные лампы угаснут – что будет? Я ужасаюсь и чувствую трепет в сердце! – Положим, что некоторые искры и спасутся под пеплом, положим, что некоторые люди и найдут их и осветят ими тихие, уединенные свои хижинки, но что же будет с миром, с *целым* человеческим родом? Ах, мой друг! Для добрых сердец нет счастья, когда они не могут делить его с другими. Истинный мудрец благословляет мудрость свою для того, что может сообщать оную ближним; иначе – смею сказать – будет она бременем для его человеколюбивой души. Александр не принял сосуда с водою и не хотел утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; в сию минуту был он подлинно Великим Александром! Такие движения неизвестны эгоистам; зато первый враг истинной философии есть эгоизм.

Сверх того, внимательный наблюдатель видит теперь повсюду отверстые гробы для *нежной нравственности*. Сердца ожесточаются ужасными происшествиями и, привыкая к феноменам злодеяний, теряют чувствительность. Я закрываю лицо свое!

Ах, друг мой! Ужели род человеческий до-

ходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова мало-помалу выходить из оногo, подобно Сизифову камню, который, будучи взнесен на верх горы, собственною своею тяжестью скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится? – Горестная мысль! Печальный образ!

Теперь мне кажется, будто самые летописи доказывают *вероятность* сего мнения. Нам едва известны имена древних азиатских народов и царств, но по некоторым историческим отрывкам, до нас дошедшим, можно думать, что сии народы были не варвары, что они имели свои искусства, свои науки; кто знает тогдашние успехи разума человеческого? Царства разрушались, народы исчезали, из праха их, подобно как из праха феникса, рождались новые племена, рождались в сумраке, в мерцании, младенчествовали, учились и – славились. Может быть, *зоны*{7} погрузились в вечность, и несколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз ночь тем-

нила души, прежде нежели воссиял Египет, с которого начинается полная история. Библиотека Озимандиасова была, конечно, не первая в мире, была, верно, не что иное, как спасенный остаток древнейших библиотек.

Египетское просвещение соединяется с греческим: первое оставило нам одни развалины, но великолепные, красноречивые развалины; картина Греции жива перед нами. Там все прельщает зрение, душу, сердце, там красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидии и Зевксисы – одним словом, там должно дивиться утонченным действиям разума и нравственности. Римляне учились в сей великой школе и были достойны своих учителей.

Что ж последовало за сею блестящею эпохою человечества? Варварство многих веков, варварство ума и нравов – эпоха, мрачная – сцена, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа!

Медленно редела, медленно прояснялась сия густая тьма. Наконец солнце наук воссияло, и философия изумила нас быстрыми своими успехами. Добрые, лежковерные человеко-

любцы заключали от успехов к успехам, исчисляли, измеряли путь ума, напрягали взор свой – видели близкую цель совершенства и в радостном упоении восклицали: «Берег!..» Но вдруг небо дымится, и судьба человечества скрывается в грозных туманах! – О потомство! Какая участь ожидает тебя?

Если опять возвратится на землю третий и четвертый-надесять век?.. Мы, конечно, не доживем до сего, но можем ли умирать покойно? И что надпишем над гробами своими? Разве скажем с Сарданапалом: «Прохожий! Услаждай свои чувства; все прочее ничто!» [3] – О, мой друг!

Печальные сомнения волнуют мою душу, и шумный город, в котором живу, кажется мне пустынею. Вижу людей, но взор мой не находит сердца в их взорах. Слышу рассуждения и опускаю глаза в землю. – Говорю, но ветер разносит слова мои... Мертвое эхо повторяет их!

Иногда несносная грусть теснит мое сердце, иногда упадаю на колени и простираю руки свои – к невидимому... Нет ответа! – Голова моя клонится к сердцу.

Самая природа не веселит меня. Она лишилась венца своего в глазах моих с того времени, как не могу уже в ее объятиях мечтать о близком счастье людей, с того времени, как удалилась от меня радостная мысль о их совершенстве, о царстве истины и добродетели, с того времени, как я не знаю, что мне думать о феноменах нравственного мира, чего ожидать и надеяться!

Вечное движение в одном кругу, вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи со днем, вечное смешение истин с заблуждениями и добродетелей с пороками, капля радостных и море горестных слез... Мой друг! Начто жить мне, тебе и всем? Начто жили предки наши? Начто будет жить потомство?

Суди о хаосе души моей, который представляет мне все творение в беспорядке! Смотрю на восходящее солнце и спрашиваю: почто восходишь? Стою под сению шумящего дуба и спрашиваю: почто шумишь? – Теперь все существует для меня без цели.

Вообрази себе человека, заснувшего сладким сном в тихом своем кабинете, подле нежной супруги, среди милых детей и вдруг, оча-

рованием каких-нибудь злых волшебников, пронесенного на степь Африканскую, – удары грома пробуждают его – несчастный открывает глаза, видит ночь и пустыню вокруг себя – изумляется – думает и не понимает, где он и что с ним случилось – слышит везде рев зверей и не знает, куда идти... Где мирное жилище его? Где нежная супруга? Где милые дети?.. Нет пути! Нет спасения!.. Он терзается, проливает слезы и устремляет взор на небо, но небо покрыто тьмою, небо грозно! – Состояние сего человека некоторым образом подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! В твои объятия изливаю сердце мое – сердце, жестоко уязвленное, – горестные свои чувства. Оживи его благотворным своим бальзамом, улади нежным состраданием!

Филалет! Ты вместе со мною веселился некогда жизнью, природою, человечеством; теперь скорби со мною или утешь меня!

Дух мой уныл, слаб и печален, но я достоин еще дружбы твоей, ибо я люблю еще добродетель! – Вот черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора, узнаешь и в бурю, и в гро-

зу, и на краю могилы!

Примечания

Переписка Мелодора и Филалета впервые опубликована в альманахе Карамзина «Аглая», ч. 2-я, 1795 год. Написаны письма в конце 1793 – начале 1794 года. Об идейном содержании философских писем Мелодора и Филалета см. во вступительной статье. *Филалет* — по-гречески – «любитель истины». *Мелодор* — по-гречески – «даритель песен», то есть поэт.

Сноски

1

То есть друг людей.

[^^^]

2

Ненавистники наук.

[^^^]

3

Квинт Курций пишет, что Александр Великий нашел гроб Сарданапалов с сею надписью.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

...на развалинах Илиона... – Илион, или Троя, – город на малоазиатском берегу Эгейского моря, разрушенный греками в ходе Троянской войны. Разрушение и сожжение Трои описано в поэме Гомера «Илиада».

[^^^]

2

Фивы — крупный город Египта, располагавшийся на берегах Нила, разрушен в 88 году до н. э.

[^^^]

3

...воскликали: «Человек велик духом своим!..»
— Провозглашая внесословную ценность человека Ж.-Ж. Руссо утверждал: «Человек велик своим чувством».

[^^^]

4

Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!.. – Имеются в виду события французской революции 1792–1793 годов, которыми начинался ее новый период. Представители народа – якобинцы, во главе с Робеспьером, повели решительную борьбу с контрреволюционерами. Якобинский этап французской революции и осуждает Карамзин.

[^^^]

5

Свирепая война опустошает Европу... – В апреле 1792 года Австрия начала войну против Франции. С января 1793 года на стороне Австрии выступили Англия, Пруссия и многие другие страны Европы. Созданная могучая коалиция монархических государств стремилась раздавить революцию во Франции.

[^^^]

6

...сера и селитра истощатся в недрах земли, и громы умолкнут... – Из селитры и серы делали в те времена взрывчатые вещества.

[^^^]

Эоны. – Эонами в религиозно-философских учениях древности называли «светлые силы» духовной жизни человека.

[^^^]

[^^^]